

М.ПРИШВИН МЕЖДУ Д. МЕРЕЖКОВСКИМ И В. РОЗАНЫМ

Н.П. Дворцова

В течение всей жизни — об этом свидетельствует Дневник писателя — Пришвин работал над романом «Начало века», который, однако, так и не был им создан. Значение ненаписанного романа определяется не только тем, что его основные идеи и темы осуществляются в важнейших произведениях Пришвина («У стен града невидимого», «Заворошка», «Кашеева цепь», «Журавлиная родина», «Мы с тобой» и др.), но и прежде всего тем, что роман дает представление о системе творческих связей писателя в литературе 1900—1910-х годов и раскрывает его понимание этого периода русской культуры.

Творческая история романа «Начало века», отраженная в Дневнике Пришвина, позволяет выделить «ядро» замысла, «фокус целого», который неизменно сохраняется в нем. С точки зрения сюжетной основы романа, которая носит автобиографический характер, — это жизнь писателя в 1905-1917 гг. С точки зрения содержательной — это темы религиозных исканий интеллигенции и народа, пути человека к Граду Невидимому, судьбы религиозной и революционной идей в русской истории, секты (части) и целого, национального духа и родины. С точки зрения круга героев романа — в нем неизменно присутствуют Мережковский (идея интеллигенции), Розанов и Ремизов (русская идея), Блок (идея трагизма времени), Легкобытов (тема народной религиозной секты), Горький (тема родины).

Список героев романа «Начало века» открывают обычно Мережковский и Розанов. Так, в Раннем Дневнике Пришвин пишет о замысле произведения: «Биография Светлого иностранца¹, Розанова и др. Заседание совета². Выделяется загорелый сильный господин — провинциал Алпатов»³. В 1920-е годы, когда роман «Начало века» задумывался Пришвиным в качестве третьего тома «Кашеевой цепи», он писал: «Мне захотелось написать свою книгу, в которой... пройдет целая литературная эпоха, но чтобы это были не воспоминания, а роман... Эпоха первой революции... Лица: Мережковский, Розанов, Блок, Белый, Брюсов, Бальмонт, Гиппиус, Савинков, Ремизов, Горький»⁴.

Выбор Мережковского и Розанова в качестве первых и главных героев романа о «начале века», а также диалог с ними в Дневнике Пришвина свидетельствуют не только о том, что оба они, с его точки зрения, выражали саму суть этой эпохи русской культуры, но и о том,

что положение Пришвина между Мережковским и Розановым раскрывает существенные черты его творческой личности в период 1900-1910-х годов. Показать это и есть задача статьи, не претендующей на всестороннее освещение истории личных и творческих связей Пришвина с Мережковским и Розановым.

Заглавие романа «Начало века» имело у Пришвина важное символическое значение, было своего рода формулой эпохи русской культуры перед мировой катастрофой — войной и революцией 1917 г. Слова «начало века» становятся для Пришвина символической формулой после знакомства, очевидно, в 1908 г., с П.М. Легкобытовым, основателем секты хлыстов «Начало века»⁵, «гением секты», как он его называет. Если бы пробить их схоластическую мудрость, — пишет Пришвин о хлыстах, — то внутри оказалось бы поразительное явление: в XX в. — начало христианства, «начало века» (8, 39). Вместе с тем символический смысл формулы «начало века» является у Пришвина результатом опыта его общения с политическими сектантами (революционерами-марксистами) и сектантами от искусства (декадентами, которых он называет «сектой служителей красоты» — 8, 61).

Слова П.М.Легкобытова: «Начало одно, Бог взял начало, значит, человек безначальный и нужно взять начало, и вот мы и есть начало века... наше дело... клубок безначалия привести к началу»⁶ — Пришвин воспринимает не просто как самовольство, не только как прямое богоборчество и человекобожество, но и свидетельство о духе начала XX в., духе религиозной, социальной и художественной жизни русского общества этого периода. Дух этот, по Пришвину, — «бес благих начинаний», «бес разлагающий, живущий в пустоте и соблазняющий человека начать жить по-новому, совсем по-новому», соблазняющий «бедного человека мечтой» о новой, настоящей жизни⁷, о новом настоящем искусстве, новой истинной религии, новом общественном устройстве. Для Пришвина дух «начала века» — дух противления, отказа от традиций, разрыва связей, разрушения целостности бытия, подмены целостности жизни частичным (сектантским) существованием.

Духу времени с его требованием «начать все вновь» противостоит в сознании Пришвина представление о том, что «мир круглый», что «мир вовсе не движется вперед куда-то к какому-то добру и счастью... Мир вовсе не по рельсам идет, а вращается... И, значит, наше назначение... присмотреться ко всему и согласовать себя со всем... стать в ряды и вертеться со всем миром» (8, 21). «Не отрицать, а утверждать», — сформулирует Пришвин свою, человека и художника, позицию в 1914 г. В 1930 г., вновь возвращаясь к этой теме, он напишет: «Не начинать, а причаститься, продолжить творческое мира»⁸. В 1900-1910-е годы

Пришвин с сомнением относится к требованию «начать все вновь», для него особенно важной становится задача постижения «начала всех начал» и возвращения от ложной культуры к «первоначальному» — в себе, в культуре, в истории. Дистанцируясь от духа разрушения в социальной, религиозной, художественной областях, Пришвин вместе с тем постигает его в опыте жизни — сначала, в марксистский период (1890-е — начало 1900-х гг.), в практической деятельности революционера, затем, в Петербурге 1900-1910-х гг., в тесном общении с декадентами, так он называет поэтов и писателей «круга Мережковского»⁹.

Появлению Пришвина в Петербурге (1904 г.), ставшем для него «духовной родиной» и «городом света» (5, 284, 285), предшествовал не только почти десятилетний марксистский период его жизни, но и происходящий в сознании писателя на рубеже XIX-XX вв. переворот «от революции к себе». Значение этого духовно-нравственного переворота в его мировоззренческом, житнетворческом, религиозном и художественном аспектах связано прежде всего с тем, что он определяет сложность, «двусоставность» сознания Пришвина, оказывающегося на стыке и несущего в себе на протяжении всего творчества два противоборствующих, но диалогически взаимодействующих круга идей. Один из них связан с культурой русской революционной интеллигенции, с ее рационалистическим и атеистическим мировоззрением. Другой — с традицией культуры, ориентирующейся на православие. Розанов называл это явление противостоянием нигилистической, «культурно-разрушительной» и «положительной» тенденций русской жизни¹⁰.

В культуре рубежа XIX-XX вв. это противостояние выразилось в предельном обострении противоречащих друг другу идей: революции и жизни, теории («идеи») и жизни, культуры и жизни, религии и жизни, религии и культуры, культуры и природы, интеллигенции и народа, духа и материи (плоти), язычества и христианства, Европы и России. В период своего общения с декадентами, с Мережковским и Розановым Пришвин заново переживает противоречия времени, открывая их в культуре и в самом себе.

Отношение Пришвина к поэтам и писателям «круга Мережковского» — это отношение неизменного притяжения и отталкивания и даже «враждебного» отталкивания, доходившего «до отвращения» (8, 168). У самого Пришвина в этом кругу была репутация «ищущего»¹¹. Связано это было, очевидно, со статьей Мережковского «Расколовшийся колокол»¹², где он анализирует книгу Пришвина «У стен града невидимого (Светлое озеро)» в контексте религиозных исканий народа и интеллигенции. Высоко оценив книгу Пришвина («Книга замечательная — в своем роде единственная») и назвав пришвинское путешествие к

Светлому озеру небывалым «хождением в народ», Мережковский пишет об авторе: «С ним происходит то же, что с одним героем Достоевского: «когда верит, то не верит, что верит». Но если даже действительно не верит, то ищет веры»¹³.

Пришвинское понимание декаденства далеко от однозначности. Это проявляется, в частности, в коротких и емких формулах, в которых он пытается выразить суть этой эпохи в литературе. Пришвин называет ее «самым блестящим периодом русского искусства»¹⁴ и вместе с тем «смутным временем русской литературы»¹⁵. Он скажет об искусстве декадентов как о «мистическом водовороте», в котором «вкусно, завлекательно и литературно»¹⁶. Неизменной, однако, останется пришвинская оценка «начала века» в литературе как «трагической эпохи русского искусства» (8, 186).

Искусство декадентов, с точки зрения Пришвина, было следствием противостояния «великих крайностей русского духа» — народа и интеллигенции, следствием этого социального разрыва-раскола. Декаденство, осознающее трагизм этого разрыва, становится, по Пришвину, вторым хождением в народ. Знаком этого хождения были, по его мнению, поездка Мережковского к Светлому озеру и «уход» в народ А.Добролюбова. Наиболее полно трагедию «раскола» русского духа, с точки зрения Пришвина, отразил в своем творчестве и в своей личности А.Блок (8, 186). Каждый из художников «начала века», считал Пришвин, «писал в соотношении с тем, что происходило внутри вулкана, который представляла тогда народная жизнь» (8, 186).

Искусство декадентов, вырастая из разрыва целостности русской жизни, становится в ней, с точки зрения Пришвина, полюсом сознания, творчества, культуры, противостоящим полюсу жизни, бытия, народа. Он не раз писал о том, что декаденты «лишились восприятия действительной жизни и страшно мучились этим» (8, 136), он видел в их искусстве, вырастающем из разрыва жизни и культуры, бытия и творчества, стремление «вернуть творчество бытию» (8, 196). Однако декадентам, по мнению Пришвина, не удалось реализовать это стремление.

Очень важной для пришвинского понимания декадентства является его мысль о внутренней связи декадентства и противостоящей ему культуры революционной и, в частности, марксистской интеллигенции. Эти противоположные, казалось бы, явления русской культуры, с точки зрения Пришвина, объединяет устремленность к плоти мира, ибо оба они вырастают из разрыва материального и духовного и абсолютизации «духовного» (рационального, интуитивного). Пришвин пишет об этом: «И в проповеди Мережковского о святой плоти, и в первых стихах Вяч.

Иванова, и в «Будем, как солнце» Бальмонта, в возвращении к роду Розанова, во всей кутерьме декадентства, богоискательства безмерная была тяга к народным низам, к земле. Да и что такое революционный материализм? Разве в нем не то же стремление к бессмертию плоти?»¹⁷.

Пришвин видит еще один момент связи декадентства и «революционного материализма». Суть его в том, что оба эти движения русской культуры объединяет западная в своем происхождении и хотя и ставшая русской, но по-прежнему противостоящая русской идее — идея революционности и вытекающая из нее «идеология европеизации» русской культуры. Пришвин называет литературу декадентов «литературой Европы, опрокинутой в чан русского варварства... очень похоже на революцию большевизма с ее идеологией европеизации», — считает он¹⁸. Закономерно, что среди писателей «начала века» Пришвин видит две противостоящих друг другу группы. «Писатели перед революцией разделились четко на европейцев (Блок, Мережковский, Гиппиус и др.) и русских (Розанов, Ремизов и др.)», — пишет он¹⁹, себя относя, безусловно, к «русским».

В конечном итоге, декадентов и социалистов, с точки зрения Пришвина, объединяет характерная для тех и других сектантская природа — это одна из важнейших идей Пришвина, мыслителя и художника. Существование народных и интеллигентских сект, в ряду которых и «секта служителей красоты» — декаденты, свидетельствует о разрушении целостности русской жизни в социальной, религиозной и художественной сферах. Сам факт существования декадентов, как и других сект, свидетельствовал о том, что в них и через них свершалась трагедия разрушения русской культуры.

Для пришевского понимания декадентства особое значение имеет тема, смысл которой связан со словом П.М.Легкобытова, сказанным им о Мережковском и его окружении: «Шалуны» (8, 61). Тема эта о том, что искусство декадентов является не частью жизни, а стоит над ней, точнее, вне ее. У декадентов «философия и поэзия подменяли веру», революцию и саму жизнь. Они несли в себе противоречия между искусством, культурой и жизнью, между искусством, культурой и религией и не нашли выхода из этих противоречий. Пришвин писал о декадентах круга Мережковского: «Тут все было хорошо, правильно, плохо одно, что все это бумага, что не кровью истекала природа, а словами»²⁰. В этом же свете («шалуны») он рассматривал попытку Мережковского дать революции религиозное основание. Революция, считал он, была для Мережковского, спросившего однажды у Пришвина, «где и как можно им с Зиночкой записаться в партию социалистов-революционеров»²¹, — таким же словесным, а не жизненным делом, как и религия.

Тема противостояния Мережковского и Розанова в русской культуре «начала века» — одна из важнейших в Дневнике Пришвина. Мережковский и Розанов (при всем том, что каждый из них внутренне противоречив) становятся для него олицетворением полюсов этой культуры. Если Мережковский для Пришвина — полюс идеи, культуры, Европы, интеллигенции, революции, богоискательства, Христа, то Розанов — полюс жизни, природы, России, народа, богоборчества и христороборчества.

«Розанов и Мережковский прельщают меня своей противоположностью: бытовики и личники», — пишет Пришвин после первых встреч с ними в Петербурге (8, 60). О Мережковском он говорит: «Они «личники», за пять шагов от них веет холодом, но в то же время чистотой... чистоту в человеке дает только развитие личности, быт нечист...»²². В этом «личники» не только признание важнейшей, с точки зрения Пришвина, основы декадентства — идеи личности, но и начало одной из основных для пришвинского осмысления Мережковского тем: «идейного», книжного существования автора «Христа и Антихриста». Жизнь вне быта, неукорененность в быте оказывается, в конце концов, существованием над жизнью, т.е. вне ее. «... от быта он не берет... парит высоко, высоко» (8, 34). «Идейный, всегда в буднях своих книжный Мережковский»²³, — скажет о нем Пришвин.

Мережковский был для Пришвина человеком, который, как и другие декаденты, «не овладев собственной жизнью», хватался за «ложное солнце» — идеи и принадлежал к людям, «защитым схемами» (8, 66). Однако идейность и книжность Мережковского, его узость и несвободу Пришвин воспринимает как своего рода донкихотство (8, 34). В 1909 г. Пришвин создает немного странную, но в сущности верную «формулу» личности Мережковского, от которой он не отказался в течение всей своей жизни: Мережковский «сломился... в сторону добра»²⁴.

Вместе с тем в «идейности» и книжности Мережковского Пришвин видел не только проявление его донкихотства, черту общечеловеческую, но и существеннейшую особенность типичного русского интеллигента, у которого идея подменяет жизнь.

Розановская укорененность в быте так же, как и жизнь Мережковского вне быта, с точки зрения Пришвина, объясняет не только существенные особенности личности Розанова, но и его положение в русской культуре «начала века». «Бытовики русские — все пессимисты», — пишет Пришвин в связи с Розановым²⁵, подчеркивая, что включенность в быт становится укорененностью в бытии, что ощущение полноты и реальной сложности жизни делает невозможным оптимизм — «идейное», рациональное упрощение жизни.

Кроме того, розановская укорененность в быте, по мнению Пришвина, оказывается выражением существеннейших особенностей национальной русской жизни, национального духа. Тема: европеец (иностранец в России) Мережковский и розановская русскость — важнейшая в размышлениях Пришвина об этих людях. Не раз обращаясь к этой теме в Дневнике²⁶, Пришвин, однако, нигде не дает однозначных формул. «Об этом можно думать всю жизнь», — утверждает он. В сущности, размышляя о противостоянии Розанова и Мережковского в русской культуре «начала века», Пришвин приходит к осмыслению двух русских культурных традиций: ориентирующейся на европейскую, мировую культуру и акцентирующей несочетаемость русской культуры с мировой, подчеркивающей необходимость самоуглубления в русскую культуру. Розанов для Пришвина с этой точки зрения — «простой» русский человек, всегда искренний и потому всегда разный²⁷, он — выражение стихии, бесформенности, незаконченности русской жизни, «хорошей русской некультурности»²⁸. Мережковский же вырастает на европейской почве русской культуры, стихии в его сознании противостоит форма, законченность, рациональность. Характерно, что уже после одного из первых посещений Мережковского, пытаясь выразить свое впечатление, Пришвин записывает: «Что-то утонченно католическое»²⁹. «За форму Европа, — считает Пришвин. — Там защита мировой формы. Если стать на европейскую точку зрения, то можно оторваться от своего народного, от природы, Отца... Если же стать на народную точку зрения, то в корне восстать на Европу, Христа, как сделал Розанов»³⁰. В этих словах Пришвина — основное, что, по его мнению, делает полюсами два феномена русской культуры начала XX в. — Мережковского и Розанова. Розанов, по Пришвину, это укорененность не в некоей абстрактной жизни, а в жизни русского народа и русской природы (источки розановских ветхозаветных и египетских увлечений и штудий Пришвин видел в глубинном его понимании именно русской жизни), это связь с Отцом, Творцом и творением. Безытнность, «идейность», в конечном итоге, отрывает Мережковского от народа, природы, Творца.

Укорененностью или отрывом от русской жизни, от Отца Пришвин объясняет различное отношение Розанова и Мережковского к идее революции. «Идейность» Мережковского является той почвой, на которой вырастает одна из заветных его мыслей о связи революции и религии. Розанов же восстает против европейской в основе идеи революции.

В конечном итоге, противостояние Мережковского и Розанова осознается Пришвиным как противоположность человека — типа и человека — «solo». Пришвин пишет об этом в связи с европейским

рыцарством Мережковского: «Честность, прямота, рыцарство — все эти качества типовые. Розановское я, как solo, должно все это разложить. И как разлагающий фермент, чистое solo, он останется, конечно, тогда как выродилась общественность честного типа...»³¹. Мережковский — русский интеллигент (русский европеец) — осознается Пришвиным в определенных исторических границах. Розанов же — не интеллигент, он — «русский кустарь и обыватель»³² и как «чистое solo», как человек, укорененный в народе, природе, связанный с Творцом и творением, — есть выражение универсальной (внеисторической) русскости.

Свое отталкивание от Мережковского и притяжение к Розанову Пришвин предельно четко выражает словами: «С Розановым сближает меня страх перед кошмаром идейной пустоты («мозговое крушение») и благодарность природе, спасающей от нее»³³. В природе, делающей его причастным полноте бытия, причастным Богу, Пришвин видит ту подлинную жизнь, которая, с его точки зрения, противостоит «идейности» и книжной культуре Мережковского. Именно природа спасала его от «кошмара идейной пустоты», которую он ощущал сначала в марксизме, а затем в «школе Мережковских» и страх которой заставлял его отшатываться от них и сближаться с их тайными врагами — Розановым и Ремизовым. Мережковские и сами ощущали ту черту, которая отделяла от них Пришвина. «Вы признаете только Бога-Отца», — говорила Пришвину З.Гиппиус, «разбирая» рукопись его книги «У стен града невидимого» (8, 37). Мережковский вторил ей: «Михаил Михайлович весь в жизни, его... надо отвлекать от этого» (8, 63). «Вчера мне сказали, будто я стою против духа. Трава зеленая против духа», — записывает Пришвин в Дневнике в связи с Мережковскими (8, 63). В сущности, Пришвин был для них олицетворением той земли, к которой они тянулись, но которую отрицали самим фактом своего существования.

Мережковский и Розанов интересовали Пришвина как реальные исторические личности, которые он пытался понять, но вместе с тем — об этом свидетельствует Дневник Пришвина — каждый из них становится существующей в его сознании точкой зрения на мир, вторым внутренним голосом. В диалоге с каждым из них, в осмыслении их противостояния Пришвин осознает себя и мир. Оба они были для Пришвина не только явлением литературы, не только религиозными мыслителями, носителями идей времени, они были для него явлением жизни, участниками его собственной личной судьбы.

В Раннем Дневнике Пришвина есть запись (и не единственная), где свое отношение к Мережковскому и Розанову, свое положение между ними он пытается понять в сопоставлении со своим положением между двумя женщинами своей жизни — В.П.Измалковой и Е.П.Смогалева³⁴.

Для Пришвина, считавшего: «Вот где правда: я и Она» — эта ситуация сопоставления означала прежде всего его собственное положение перед лицом правды. «Я слишком мало отдаю должного Фросе, — писал Пришвин. — Между ними двумя моя эта двенадцатилетняя жизнь. Одно без другого непонятно, и одно другого стоит. И вот отчего тянет меня к Розанову, благословляющему живую собой и в Боге ощутимую жизнь. И возмущение Мережковскими и тяга к ним не есть ли отображение любви к этой женщине. От одной я получаю жизнь и смиряюсь, другая отрицает меня живого... Я жил, получая кровь от матери-земли, и тут какая-то большая радость и любовь была и правда, о которой ей нельзя было сказать: для нее это было падение... Падение несомненное и в то же время спасение, как это может быть?»³⁵.

Положение между Мережковским и Розановым в 1900-1910-е годы было для Пришвина, по сути, драмой самосознания, в которой каждый из них был без другого непонятен и один другого стоил. Смысл же драмы — в становлении творческой личности Пришвина, в поиске и осуществлении им своего пути.

В самом Пришвине в этот период живут, диалогически взаимодействуют и борются две культурные традиции: интеллигента с его отрывом от реальности, его погруженностью в «идейное» существование, человека, «защитого схемами» (8, С.66), и «простого русского человека», «русского кустаря и обывателя», личности, ищущей полноты своих связей с Творцом и творением, ищущей пути к целостности самого себя и к целостности мира. Диалогически ориентируясь на культурные традиции, Пришвин живет вместе с тем в ощущении единственности собственной личности, а своего пути как небывалого.

¹Так Пришвин называет в Дневнике Д.С.Мережковского.

²Речь идет о Религиозно-философском обществе в Петербурге.

³Архив В.Д.Пришвиной. Ранний Дневник.

⁴Архив В.Д.Пришвиной. Дневник 16.8.1928.

⁵См. о нем: Пришвин М. Астраль // Пришвин М. Собр.соч. В 8 т. Т.2. М., 1982. С.590. Далее ссылки на произведения, входящие в это собр. соч., приводятся в тексте с указанием в скобках тома и страницы.

⁶Архив В.Д.Пришвиной. Ранний Дневник.

⁷Там же.

⁸Архив В.Д.Пришвиной. Дневник 25.10.1930.

⁹В круг этот, судя по Дневнику Пришвина, входили самые разные поэты, философы, богословы. На страницах Раннего Дневника писателя наиболее часто встречаются имена З.Гиппиус, А.Блока, Вяч. Иванова, Ф.Сологуба, А.Белого, В.Брюсова, М.Кузмина, К.Бальмонта, Д.Филоософова, В.Тернавцева и др.

¹⁰Розанов В. Опавшие листья // Розанов В. О себе и жизни своей. М., 1989. С.345,303.

- ¹¹Архив В.Д.Пришвиной. Дневник 3.4.1921.
- ¹²На факт существования этой статьи указал мне В.А.Фатеев.
- ¹³Мережковский Д. С. Расколовшийся колокол // Русское слово. 1909. 16 дек. N 288. С.2.
- ¹⁴Архив В.Д.Пришвиной. Дневник 25.8.1928.
- ¹⁵Там же.
- ¹⁶Там же. Дневник 9.2.1927.
- ¹⁷Там же. Дневник 30.9.1928.
- ¹⁸Там же. Дневник 30.8.1922.
- ¹⁹Там же. Дневник 20.3.1946.
- ²⁰Там же. Дневник 20.1.1940.
- ²¹Там же. Дневник 10.10.1938. К этому эпизоду Пришвин не раз возвращается в Дневнике.
- ²²Пришвин о Розанове // Контекст-1990. М.,1990. С.162.
- ²³Там же. С.189.
- ²⁴Там же. С.163.
- ²⁵Там же. С.161.
- ²⁶Там же. С.164, 193.
- ²⁷Там же. С.177.
- ²⁸Там же. С.192.
- ²⁹Архив В.Д.Пришвиной. Ранний Дневник.
- ³⁰Пришвин о Розанове // Контекст-1990. С.164.
- ³¹Там же. С.192.
- ³²Там же. С.191.
- ³³Там же. С.167.
- ³⁴См. о них: Пришвина В. Д. Путь к Слову. М., 1984. С.81-93, 102-104.
- ³⁵Архив В.Д.Пришвиной. Ранний Дневник.

Тюмень